

Сказка Г.Х. Андерсена " На утином дворе "

Из Португалии – а кто говорит, из Испании, но это все едино – вывезли утку. Прозвали ее Португалкою. Она несла яйца, потом ее зарезали, зажарили и подали на стол – вот и вся ее история. Выводков из ее яиц тоже звали Португалками, и это кое–что да значило. Наконец из всего потомства первой Португалки осталась на утином дворе только одна утка. На этот утиный двор допускались и куры с петухом, неизменно задиравшим нос.

– Он просто оскорбляет меня своим неистовым криком! – говорила Португалка. – Но он красив – этого у него не отнимешь, хоть и не сравнится с селезнем. Ему бы следовало быть посдержаннее, но сдержанность – это искусство, требующее высшего образования. Этим отличаются певчие птички, что гнездятся вон там, в соседском саду на липах. Как мило они поют! В их пении есть что–то такое трогательное, португальское – так я это называю. Будь у меня такая певчая птичка, я бы заменила ей мать, была бы с нею ласкова, добра! Это уж у меня в крови, в моем португальстве.

Как раз в эту минуту и свалилась с крыши певчая птичка. Она спасалась от кошки и сломала при этом крыло.

– Как это похоже на кошку, эту негодяйку! – сказала Португалка. – Я знаю ее еще по той поре, когда у меня самой были утята. И подумать только, что такой твари позволяют жить и бегать тут по крышам! Нет уж, в Португалии, я думаю, такого не увидишь!

И она принялась соболезновать бедной птахе. Соболезновали и простые утки, не португальские.

– Бедная крошка! – говорили они, подходя к ней одна за другой. – Хоть сами–то мы не из певчих, но в нас есть внутренний резонанс или что–то в этом роде. Мы это чувствуем, хоть и не говорим об этом.

– Ну так я поговорю! – сказала Португалка. – И сделаю для нее кое–что. Это прямой долг каждого! – С этими словами она подошла к корыту, зашлепала по воде крыльями и чуть не залила птичку ливнем брызг, но все это от доброго сердца. – Вот доброе дело! – сказала Португалка. – Смотрите и берите пример.

– Пип! – пискнула птаха; сломанное крыло не давало ей встряхнуться хорошенько. Но она все же понимала, что выкупали ее от доброго сердца. – Вы очень добры, сударыня! – прибавила она, но повторить душ не просила.

– Я никогда не думала о том, какой у меня нрав! – ответила Португалка. – Но знаю, что люблю всех моих ближних, кроме кошки. А уж этого от меня требовать не приходится! Она съела двух моих утят!.. Ну, будьте же теперь здесь как дома! Это можно! Сама я тоже не здешняя, что вы, конечно, заметили по моей осанке и оперению. А селезень мой здешний, не моей крови, но я не спесива!.. Если вас вообще кто–нибудь поймет здесь, на дворе, то уж, смею думать, это я!

– У нее портулакария в зобу! – сострил один маленький утенок из простых.

Остальные утки, тоже из простых, нашли это бесподобным: "портулакария" звучит ведь совсем как Португалия. Они подталкивали друг друга и крикали:

– Крик! Вот остряк!

А потом опять занялись бедной птахой.

– Португалка мастерица поговорить! – сказали они. – У нас нет таких громких слов в клюве, но и мы принимаем в вас не меньшее участие. И если мы ничего не делаем для вас, то не кричим об этом! По–нашему, так благороднее.

– У вас прелестный голос! – сказала одна из пожилых уток. – То–то, должно быть, приятно сознавать, что радуешь многих! Я, впрочем, мало смыслю в пении, оттого и держу язык в клюве! Это лучше, чем болтать глупости, какие вам столько приходится выслушивать!

– Не надоедайте ей! – вмешалась Португалка. – Ей нужен отдых и уход. Хотите, я опять вас выкупаю, милая певунья?

– Ах нет! Позвольте мне остаться сухой! – попросила та.

– А мне только водяное лечение и помогает! – продолжала Португалка. – Развлечения тоже очень полезны! Вот скоро придут в гости соседки куры, в их числе две китаянки.

Они ходят в панталончиках и очень образованны. Это подымает их в моих глазах.

Куры явились, явился и петух. Сегодня он был вежлив и не грубиянил.

– Вы настоящая певчая птица! – сказал он пташке. – Вы делаете из своего крохотного голоса все, что только можно сделать из крохотного голоса. Только надо бы иметь свисток, как у паровоза, чтобы слышно было, что ты мужчина.

Обе китаянки пришли от пташки в полный восторг: после купанья она была вся взъерошенная и напомнила им китайского цыпленка.

– Как она мила! – сказали они и вступили с нею в беседу. Говорили они шепотом, да еще и с придыханием на "п", как и положено мандаринам, говорящим на изысканном китайском языке.

– Мы ведь вашей породы! А утки, даже сама Португалка, относятся к водяным птицам, как вы, вероятно, заметили. Вы нас еще не знаете, но многие ли нас здесь знают или дают себе труд узнать? Никто, даже и среди кур никто, хотя мы и рождены для более высокого нашего, нежели большинство! Ну да пусть! Мы мирно идем своею дорогой, хотя у нас и другие принципы: мы смотрим только на одно хорошее, говорим только о хорошем, хотя и трудно найти его там, где ничего нет! Кроме нас двух да петуха, во всем курятнике нет больше даровитых и вместе с тем честных натур. Об утином дворе и говорить нечего. Мы предостерегаем вас, милая певунья! Не верьте вон той короткохвостой утке – она коварная! А вон та, пестрая, с косым узором на крыльях, страшная спорщица, никому не дает себя переговорить, а сама всегда неправа! А вон та, жирная, обо всех отзывается дурно, а это противно нашей природе: уж лучше молчать, если нельзя сказать ничего хорошего! У одной только Португалки еще есть хоть какое–то образование, и с нею еще можно водиться, но она тоже беспристрастна и слишком много говорит о своей Португалии.

– И чего это китаянки так расшепталась! – удивлялись две утки из простых. – На нас они просто наводят скуку, мы никогда с ними не разговариваем.

Но вот явился селезень. Он принял певчую птичку за воробья.

– Ну да я особенно не разбираю, для меня все едино! – сказал он. – Она из породы шарманок, есть они – ну и ладно.

– Пусть себе говорит, не обращайтесь внимания! – шепнула птахе Португалка. – Зато он весьма деловой селезень, а дело ведь главное!.. Ну, а теперь я прилягу отдохнуть.

Это прямой долг по отношению к самой себе, если хочешь разжиреть и быть набальзамированной яблоками и черносливом.

И она улеглась на солнышке, подмаргивая одним глазом. Улеглась она хорошо, сама была хороша, и спалось ей хорошо. Певчая птичка пригладила сломанное крыло и прилегла к своей покровительнице. Солнце здесь пригревало так славно, хорошее было местечко.

Соседские куры принялись рыться в земле. Они, в сущности, и приходили–то сюда только за кормом. Потом они стали расходиться; первыми ушли китаянки, за ними и остальные. Остроумный утенок сказал про Португалку, что старуха скоро впадет в утиное детство. Утки закрякали от смеха. "Утиное детство!" Ах, он бесподобен! Вот остряк! – Они повторяли и прежнюю его остроту: – "Портулакария!" Позабавившись, улеглись и они.

Прошел час, как вдруг на двор выплеснули кухонные отбросы. От всплеска вся спящая компания проснулась и забила крыльями. Проснулась и Португалка, перевалилась на бок и придавила певчую птичку.

– Пип! – пискнула та. – Вы наступили на меня, сударыня!

– Не путайтесь под ногами, – ответила Португалка. – Да не будьте такой неженкой. У меня тоже есть нервы, но я никогда не пишу.

– Не сердитесь! – сказала птичка. – Это у меня так вырвалось!

Но Португалка не слушала, набросившись на отбросы, и отлично пообедала. Покончив с едой, она опять улеглась. Птичка снова подошла к ней и хотела было доставить ей удовольствие песенкой:

Чу–чу–чу–чу!
Уж я не промолчу,
Я вас воспеть хочу!
Чу–чу–чу–чу!

– После обеда мне надо отдохнуть! – сказала утка. – Пора вам привыкать к здешним порядкам. Я хочу спать!

Бедная пташка совсем растерялась, она ведь хотела только услужить! А когда госпожа Португалка проснулась, пташка уже опять стояла перед ней и поднесла ей найденное зерно. Но Португалка не выпалась как следует и, разумеется, была не в духе.

– Отдайте это цыпленку! – крикнула она. – Да не стойте у меня над душой!

– Вы сердитесь на меня? – спросила пташка. – Что же я такого сделала?

– "Сделала"! – передразнила Португалка. – Выражение не из изящных, позвольте вам заметить!

– Вчера светило солнышко, – сказала пташка, – а сегодня так серо, темно... Мне так грустно!

– Вы не сильны во времяисчислении! – сказала Португалка. – День еще не кончился! Да не смотрите же так глупо!

– Теперь у вас точь–в–точь такие же злые глаза, как те, от которых я спаслась!..

– Ах бесстыдница! – сказала Португалка. – Вы что же, приравливаете меня к кошке, к хищнице? В моей крови нет ни единой капельки зла! Я приняла в вас участие, и я научу вас приличному обхождению!

Она откусила птичке голову, и та упала замертво.

– Это еще что такое! – сказала Португалка. – И этого вынести не могла! Ну, так она вообще была не жалец на свете. А я была ей как мать родная, уж я–то знаю! Что у меня, сердца нет, что ли?

Соседский петух просунул голову на двор и закричал, что твой паровоз.

– Вы хоть кого в могилу сведете своим криком! – сказала утка. – Это вы во всем виноваты! Она потеряла голову, да и я скоро свою потерю!

– Не много же места она теперь занимает! – сказал петух.

– Говорите о ней почтительнее! – сказала Португалка. – У нее были манеры, она умела петь, у нее было высшее образование! Она была нежна и полна любви, а это приличествует животным не меньше, чем так называемым людям!

Вокруг мертвой птички собрались все утки. Утки вообще способны к сильным чувствам, будь то зависть или симпатия. Но завидовать тут было нечему, стало быть, оставалось жалеть. Пришли и куры–китаянки.

– Такой певуньи у нас больше не будет! Она была почти что китаянка! – И они всхлипывали, другие куры тоже, а утки ходили с красными глазами. – Что–что, а сердце–то у нас есть! – говорили они. – Этого уж у нас не отнимут!

– Сердце! – повторила Португалка. – Да, этого–то добра у нас здесь почти столько же, сколько в Португалии!

– Подумаем–ка лучше о том, чем бы набить зобы! – сказал селезень. – Это главное! А если и сгинула одна шарманка, что ж, их еще довольно осталось на свете.

Другие сказки Андерсена